
ТУРКМЕНИСТАН — ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ОЧАГ ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. И. САРИАНИДИ

Проведение в независимом нейтральном Туркменистане международной конференции "Древняя Маргиана — новый центр мировой цивилизации" глубоко закономерно. Во-первых, за последние годы здесь созданы все необходимые условия для столь представительных встреч светил мировой науки: построены первоклассные отели, конференц-залы, оборудованные самой современной мультимедийной техникой, а главное, бесценные археологические находки — едва ли не основной предмет интереса иностранных гостей — теперь доступны для обозрения под сводами прекрасных дворцов, построенных для Национального музея Туркменистана и Музея изобразительных искусств имени Великого Сапармурата Туркменбаши. Во-вторых, именно туркменский лидер стал инициатором традиции проведения ежегодных конференций по гуманитарным наукам. Три из них непосредственно касались археологии и историко-культурных памятников Туркменистана: одна была посвящена сенсационным находкам в Анау древнейших в мире зерен белой пшеницы, другая — эпохе султана Санджара, третья — наследию Куняургенча.

И вот пришел черед ознакомить международную общественность с результатами наших исследований Гонур-депе в Марыйском велаяте, а через призму вновь открывшихся археологических фактов определить место древнего Туркменистана в мировой истории.

Мне посчастливилось быть непосредственно причастным к открытию и исследованиям легендарной страны Маргуш и я прежде всего хочу выразить самую искреннюю благодарность глубокоуважаемому Президенту Сапармурату Туркменбаши за его чуткое внимание к нашей работе, за его неоценимый вклад в открытие для всего мира неисчерпаемой глубины туркменской духовности, которая живет на этой благословенной земле целых пять тысячелетий. Все это с удивительным мастерством изложено им в Рухнама, которая продолжает завоевывать сердца людей, и по числу переводов на иностранные языки скоро может быть занесена в Книгу рекордов Гиннеса.

За долгие годы работы на туркменской земле, я пришел к глубокому убеждению в том, что современный Туркменистан является единственным центральноазиатским очагом древневосточной цивилизации, где формировалась идеология Заратуштры, о чем сказаны точные и яркие слова в священной Рухнама: "Две с половиной тысячи лет назад Заратуштра, вышедший из страны Маргуш, проник в этот мир. Ведя на поводу своего рыжего верблюда, он восклицал: "Люди, поклоняйтесь огню, его светильники поведут вас правильной дорогой, осветят закоулки вашей души!"

Первые попытки освоения древней дельты Мургаба, ныне потерявшейся в песках Каракумов, местными южнотуркменистанскими племенами относятся к энеолитическому времени (IV тыс. до н.э.). Вплоть до последних веков III тыс. до н.э. таковых больше не было, либо мы еще не знаем об этом. Но установлено, что следующая, более успешная попытка относится уже к позднему, аккадскому периоду (2250-2000 до н.э.). Население ушло из этих мест около середины II тыс. до н.э. в связи с естественной миграцией самой реки Мургаб далее в западном направлении. За прошедшую почти тысячу лет здесь, в бассейне Мургаба, сложилась и расцвела древняя страна Моуру, или Маргуш, Маргиана, которая, занимая промежуточное положение между Месопотамией и долиной реки Инд, как теперь становится ясно, сыграла ключевую роль в палеоэкономике и культуре всего Ближнего и Среднего Востока.

Многочисленные монументальные дворцы и храмы, богатейший царский некрополь, древние произведения искусства со всей убедительностью свидетельствуют о существовании здесь еще одного, ранее совершенно неизвестного науке древнего центра мировой культуры, который может по праву быть назван центральноазиатским.

Имея такие данные, мы вплотную подходим к вопросу: можно ли назвать Маргиану III-II тысячелетий до н.э. "цивилизацией", если в ней отсутствовала письменность? По мнению К.Ренфрю, цивилизация предполагает: 1) социальную стратификацию; 2) профессиональное ремесло; 3) постоянную централизованную власть, которая основывается на дворцах и храмах или городской общине (Renfrew 1973). Иначе говоря, столь авторитетный специалист полагает, что письменность не является обязательным условием для определения "цивилизации".

Отметим также, что строительство таких монументальных сооружений как маргианские дворцы и храмы, требовало сотни тысяч, если не миллионы кирпичей, которые надо было изготовить, высушить на солнце и доставить на место стройки. Это невозможно было бы осуществить без использования хотя бы элементарной "счетной письменности", столь необходимой для строительного контроля и отчета. Доказательством тому служат токины, найденные у главных ворот дворца Северного Гонура — скорее всего, они и служили для подобных целей (Илл. 1).

Находки цилиндрической печати с клинописной шумерийской надписью (Илл. 2); точно также как и харалпской с древнеиндийской (Илл. 3), не оставляют никаких сомнений в том, что страна Маргуш в конце III-первой половине II тыс. до н.э. вовсе не была изолированным оазисом, а находилась в орбите

международных связей, представляя собой, судя по всему, северную границу древневосточного мира.

Совокупность исторических, литературных и лингвистических данных последних десятилетий достаточно убедительно свидетельствует в пользу восточно-иранского или, иначе говоря, центрально-азиатского происхождения Авесты. В свою очередь, многолетние систематические, а главное — крупномасштабные археологические исследования последних 35 лет на востоке современного Туркменистана, в зоне бывшей дельты реки Мургаб, благодаря которым в Каракумах была открыта целая сеть поселений эпохи бронзы, позволяют выдвинуть и обосновать новую теорию о том, что родиной и самой зороастрийской религии может являться Центральная Азия и, в частности, древняя Маргиана — наряду с другими центральноазиатскими областями, еще слабо изученными в археологическом отношении).

Как теперь становится ясным, страна Маргуш представляет собой древнюю историческую область с ярко выраженными языческими верованиями, которые находят свое логическое продолжение в возникшей позднее первой мировой религии — зороастризме.

При всей дискуссионности этой проблемы ряд специалистов считают, что Заратустра является продуктом арийской среды, то есть тех индоариев, которые веками кочевали на необъятных просторах степей Центральной Азии. А между тем, в Авесте говорится, что основная добродетель зороастрийцев — это прилежное занятие земледелием и усердная обработка земли. Отчетливо представляя, в какой высокой аудитории приходится мне делать это сообщение, я умышленно опускаю лингвистический и религиозно-философский аспекты зороастрийской проблемы. Как археолог, я постараюсь сделать упор на археологических доказательствах. Цель настоящего сообщения заключается не столько в том, чтобы опровергать старые теории происхождения зороастризма, сколько привести новые доказательства, основанные на совершенно неизвестных ранее в мировой науке фактических данных, происходящих в основном из археологических раскопок Маргианы.

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ И ДОМАШНЯЯ ЛОШАДЬ

По мнению целого ряда специалистов, главным маркером в определении индоариев является домашняя лошадь. Эта тема породила море научной литературы, что, впрочем, не продвинуло решение индоевропейской проблемы вперед. Достаточно вспомнить, какой бум произвела датировка IV тысячелетием до н.э. домашней лошади в Дереевке, которая при проверке оказалась относящейся к скифскому времени!

Останки шести особей лошади обнаружены на Северном Гонуре в Маргиане. Одна (с отчлененной головой и хвостом) была похоронена на гонурском некрополе, останки другой оказались внутри кирпичного мавзолея в окружении погребальной керамики, украшенной двумя бусинками. Рядом с мавзолеем выстроена бесспорно культовая печь, предназначенная для совершения жертвоприношений (Илл. 4). В высшей степени показательно, что в Авесте лошадь регулярно упоминаются среди животных, которых приносят в жертву цари

и герои (Воусе 1989, Р. 151). Как не сопоставить этот факт с захоронением жеребенка на территории царского некрополя Гонура?

Упомянутая молодая лошадь без головы и хвоста, найденная на некрополе, невольно вызывает в памяти древнеиндийский ритуал *asvamedha* — "...возможно, наиболее эффектный" среди прочих (Mallory 1991, Р. 135). Три остальные домашние лошади были встречены в элитарных погребениях, из них одна молодая лошадь — в одной бесспорно царской гробнице (погр. № 3200), вторая. Также молодая, оказалась прихороненной снаружи к погребальной цисте № 3310, вместе с другими жертвенными животными, а нижняя челюсть третьей находилась среди останков других жертв возле цисты 2900. Кроме того, в царских могилах найдены полуистлевшие деревянные колеса от четырехколесных повозок, или колесниц. Эти колеса были без спиц и состояли из трех сплошных плах, скрепленных двумя поперечными рейками. Сами колеса могли иметь односторонние втулки, хотя на Гонуре были известны и двусторонние, о чем свидетельствуют их керамические модели. Все колеса повозок (или колесниц) из царского некрополя были оббиты снаружи шестью бронзовыми ободьями (шинами), которые крепились к деревянной основе специальными массивными заклепками (Илл.5).

Судя по полученным данным, лошади, обнаруженные в царском некрополе, относятся к последним векам III тысячелетия до н.э., в то время как вышеупомянутый жеребенок из мавзолея мог быть погребен несколько позднее — на рубеже III-II тыс. до н.э. В высшей степени показательно близкое сходство, если не сказать идентичность составных бронзовых ободьев из Бактрии, Маргианы и Элама. Изделия из трех этих областей настолько похожи, что создается впечатление, будто они вышли из рук одного мастера. Все эти факты не оставляют сомнений в том, что древнейшая лошадь появилась именно в указанных регионах древневосточного мира. Южный Туркменистан также был родиной одомашненной лошади. Путем селекции через тысячелетия туркменский народ смог вывести прекрасную ахалтекинскую породу.

ХРАМЫ

До самого последнего времени в Маргиане раскопано четыре храма (храм огня Северного Гонура, теменос Гонура, Тоголок-1 и Тоголок-21), представляющие собой обособленные монументальные здания, посвященные огню и сомехаоме. В самые последние годы крупномасштабные раскопки на Северном Гонуре выявили уникальный для всей Центральной Азии дворцово-культурный ансамбль с несколькими храмовыми комплексами внутри (Илл.6-7). Эти комплексы не имеют своих собственных оборонительных стен, а напротив, все соединены между собой общими проходами и, когда это можно установить, посвящены разным богам.

Уже давно было обращено внимание, что в Авесте храмы не упоминаются, из чего М. Бойс сделала однозначный вывод: до парфяно-сасанидского времени зороастрийцы вовсе не знали храмов, а свои богослужения они совершали на пустом, открытом месте. Однако, уже М. Дандамаев и В. Луконин обратили внимание, что бесспорный храм огня Тепе Нуш-и-Джан в древней Ми-

дии, относящийся к началу I тысячелетия до н.э. и находившийся на пути известных ассирийских походов на Восток, также не упоминается в ассирийских анналах. Эти исследователи прямо указали, что "это самое раннее из пока известных храмовых сооружений, существовавшее, по-видимому, еще до реформы Зороастра" (Дандамаев, Луконин 1980, с. 90), с чем следует полностью согласиться. Особенно большое внимание этой сложной и чрезвычайно принципиальной проблеме уделили Б.А.Литвинский и И.Р.Пичикян, вполне убедительно доказавшие, что, по крайней мере, уже в середине II тыс. до н.э. монументальное сооружение Джаркутан представляло собой типичный храм (Литвинский, Пичикян 2000, с. 242-247).

Точно также нигде в Авесте не упоминаются дворцы, хотя один такой бесспорный дворец раскопан совсем недавно в центре ансамбля Северного Гонура. Существовали в Маргиане и небольшие, провинциальные дворцы (как, например, Аджикуи). Все эти данные не оставляют никаких сомнений в существовании монументальных светских сооружений.

Однако, все раскопанные древности страны Маргуш относятся к до-зороастрийскому, языческому времени, и Заратуштра вполне мог упразднить эти сооружения (как это предполагается, например, для культа напитка сома-хаома). Однако для этого нет пока прямых археологических данных. Напротив, приходится удивляться, как много языческих культов и традиций, ставших нам известными благодаря раскопкам памятников страны Маргуш, продолжают в зороастрийской религии. Видимо, правильнее видеть в этом многовековое существование дозороастрийских традиций, которые реформировал и включил в свое учение Заратуштра.

ХРАМЫ СОМЫ-ХАОМЫ

В настоящее время известны три храма, посвященных стимулирующему напитку наподобие сомы-хаомы. Самый ранний в системе всей Маргианы (рубеж III и II тыс. до н.э.) раскопан весной 2006 г. рядом с царским некрополем на юго-восточной окраине Северного Гонура. Возможно, не случайно он располагается за пределами внешней обводной стены комплекса. Иначе говоря, когда возводилась обводная стена дворцово-культового ансамбля, храм этот не был включен внутрь нее и остался снаружи.

Это небольшое сооружение, планировочный принцип которого представляет собой "двор в обводе коридоров" (Илл.8). В одном из его помещений встречено несколько крупных пифосов, обмазанных толстым слоем гипса, переходящего на пол самого помещения и препятствующего просачиванию наружу находившейся внутри них жидкости (предположительно — хаомы). Все остальные помещения также имеют обмазанные гипсом полы. Здесь найдены фрагменты культовых сосудов с налепными фигурками людей (с расставленными в стороны руками), животных, лягушек и рыб. Глядя на план постройки и судя по набору находок можно заключить, что это здание представляет собой небольшой храм, связанный с процессом приготовления сомы-хаомы.

Следующий по времени небольшой храм выявлен на территории теменоса Гонура. Центральную часть это сооружения составляет также "двор в обводе

коридоров". Здесь проходили культовые церемонии, главное место среди которых занимали культовые возлияния. Доказательством тому служит много позже встроенная т.н. "белая комната" (пом. 137), где и проходил процесс приготовления сомы-хаомы (Илл.9). Среди сделанных здесь находок выделяются практически целые "керамические подставки", прямо связанные с приготовлением сомы-хаомы (преимущественно из конопли — по определению профессора МГУ Н.Мейер-Меликян), а так же фрагменты бесспорно культовых сосудов со скульптурными фризами по венчику. Выделяется находка плоского камня с полукруглой выпуклостью в центре, при помощи которого выжимались (а не перетирались!) алкалоидные растения.

Вся остальная внутренняя территория теменоса занята обычной застройкой (жилые дома и хозяйственные сооружения) и служила местом обитания людей, вся жизнь которых была связана с обслуживанием теменоса. В таких помещениях встречено свыше 30 пифосов и так называемые ванночки, обмазанные изнутри толстым слоем гипса. Среди ремонтной обмазки и были обнаружены в большом количестве остатки конопли. Как известно, алкалоидные растения обладают дурным запахом, для устранения которого необходимо их отмачивать в специальных емкостях — таких как пифосы и "ванночки". Лишь потом они пригодны для приготовления стимулирующего сока, который в Авесте называется хаома, а в Ригведе — сома.

Сельский храм Тоголок-1 и, особенно, "классический" храм Тоголок-21 также представляют собой храмы, связанные с сомой-хаомой и с ритуалами культовых возлияний. Оба они давно опубликованы и не нуждаются в подробном изложении. Отметим лишь, что подобно теменосу Гонура, центральную часть их составляет планировочный принцип "двор в обводе коридоров". Рядом с центральными помещениями располагаются "белые комнаты", в которых протекали процессы приготовления стимулирующего напитка, в гипсовой обмазке которых также обнаружены следы алкалоидных растений (эфедра и конопля) и пыльца мака (Мейер-Меликян 1990, с.203-205, Fig. CV-CVIII).

При раскопках "кафедрального" храма Тоголок-21 встречены практически все необходимые для приготовления сомы-хаомы артефакты. Помимо эфедры и конопли, а так же большого количества крупных пифосов и "ванночек", в которых они размокали и теряли дурной запах, обнаружено много каменных ступок и "зернотерок". Керамические подставки, ситечки для отцеживания полученного сока от обломков стеблей растений, а так же культовые сосуды со скульптурными фризами по венчику и многое другое дополняют специфический набор предметов храмов Маргианы.

Совершенно очевидно, что скульптурные наклепные фризы на венчиках (Илл.10) и фигурки на внутренней поверхности донцев культовых сосудов не являются бездумной фантазией древних мастеров, а представляют собой "цитаты" или "конспекты" тех мифов, что были широко распространены среди древних маргушцев и были связаны с культом сомы-хаомы.

В авестийских текстах хаома выступает как "Древо бессмертия", которое растет на острове в океане Ворукаша и охраняется от лягушек и ящериц (змей) священной рыбой Кара, что может быть сопоставлено с вышеперечисленными терракотовыми фигурками от культовых сосудов (лягушки, змеи-ящерицы,

рыбы), встреченных при раскопках маргианских храмов. Если вспомнить, что такие сосуды с налитой в них хаомой до определенной степени напоминали собой водную гладь (модель моря), в которой плавают лягушки и ящерицы-змеи, то рыбы могут изображать тех рыб-охранительниц, о которых говорится в Авесте, и которые отгоняют змеиных драконов и лягушек от корней этого мирового дерева. Только на таких культовых сосудах изображались нацарапанные изображения в виде дерева (Древо жизни?), по сторонам которого стоят козлы. Можно предположить, что такие сосуды, наполненные жидкостью, символизировали море Варукаша.

Как известно, приготовление и употребление сомы-хаомы составляет основную часть зороастрийского богослужения, что находится в полном согласии с вышеприведенной археологической ситуацией, выявленной в Маргиане.

ДВОР В ОБВОДЕ КОРИДОРОВ

В храмах Маргианы уже упоминавшийся архитектурный блок "двор в обводе коридоров" составляет основной планировочный принцип, который всегда располагается в центре храма (теменос Гонура, Тоголок 1 и 21). Считается, что этот планировочный принцип имеет сирийское происхождение (Хабиба Кабира, IV тысячелетие до н.э.), откуда он проникает в Центральную Азию и, в том числе, в Маргиану вместе с пришлыми племенами.

СЛЕПЫЕ ОКНА

Слепые окна — это глухие стенные ниши, оформленные с обеих боковых сторон зубчатыми выступами (Илл. 11). Как правило, они начинаются на высоте 35-40 см от пола помещений и предположительно могут доходить до потолка. "Слепые окна" располагаются в особых, знаковых, преимущественно культовых помещениях, но не являются алтарями.

"Слепые окна" всегда располагаются в интерьерах храмовых помещений и бесспорно являются знаковыми архитектурными блоками внутреннего декора. Самые ранние слепые окна известны в Месопотамии в Тепе Гавра (IV тысячелетие до н.э.) а самые поздние — в Тепе Нуши-Джан (Мидия), где они относятся к началу I тысячелетия до н.э. В высшей степени показательны, что в месопотамском храме Телль Брак алтарь имеет форму "слепого окна", фланкированного с обеих сторон небольшими полуколоннами и ступеньками перед ним.

Известны святилища с пятью такими "слепыми окнами", два из которых фланкируют с обеих сторон находящуюся между ними культовую печь как, например, в храме огня Северного Гонура (где они располагаются в отдельно стоящем святилище). Близкие по планировке и внутреннему декору святилища раскопаны в Годин Тепе (Мидия), где они датируются рубежом IV-III тысячелетия до н.э., а так же в Тилля (Анатолия, ассирийское время), включая этот район в область, откуда они распространяются вплоть до Мари и Центральной Азии и, в том числе, до Маргианы. Судя по всему, все такие "новшества" попали в Маргиану вместе с пришлыми племенами, которые принесли их вместе с собой в виде "архитектурной памяти".

В археологической литературе уже давно используется термин вара, обозначающий "крепость", "усадыба". Традиционно считалось, что это укрепленный четырехугольный в плане памятник, который упоминается в Авесте. Однако, когда в Южной Бактрии был раскопан "круглый храм" Дашлы 3, проф. Б.Брентъес и проф. К.Йеттмар независимым путем пришли к выводу, что это могло быть круглое (а не квадратное) сооружение с тремя концентрическими обводными стенами. Они сопоставили его с авестийской Варой. Эту идею поддержал известный индолог А.Парпола, прямо отметивший, что это соответствие очень близкое. Не ограничившись этим, он дополнил это сходство с данными Ригvedы, где упоминается форт, также состоящий из трех круглых обводных стен.

Еще раньше проф. Дж.Туччи нашел возможным сопоставить второе монументальное здание, расположенное в том же пункте Дашлы 3 с мандалой, где проходили коронации индоиранских божеств. Доказательством тому, по мнению Дж.Туччи, является тот факт, что помещения, расположенные по середине каждой из четырех фасовых сторон этого монументального сооружения, образуют в плане огромную букву "Т", которые не только присутствуют в зданиях типа мандала, но и могли иметь тоже назначение. К сказанному добавим, что аналогичная планировка в виде буквы "Т" имеется в северной Бактрии на поселении Сапалли-теле. Налицо их планировочное и типологическое сходство, за которым скрывается культовая, религиозная общность.

Сравнительно недавно этот вопрос специально рассмотрел И.М.Стеблин-Каменский. Он убедительно показал, что вара обозначает на самом деле не квадратное, а круглое здание с тремя кольцевыми стенами, в первой из которых сделано 9 проходов, в средней — шесть, а в последней — три, что, по его мнению, достаточно близко соответствует археологическому плану храма Дашлы 3. Здесь так же центральная часть отграничена от прилегающей периферийной тремя концентрическими стенами, причем внешняя стена точно также имеет девять миниатюрных "башенок" со сквозными проходами, ведущими в прилегающую обводную галерею. Две другие круглые стены также имеют несколько плохо сохранившиеся проходы, но точное их количество не устанавливается.

Итак, центральная часть храма Дашлы-3 состояла из трех концентрических стен с проходами и "башенками", заключающими внутри себя два святилища с подиумами, культовые камерные алтари, вознесенные на невысокие платформы, а так же культовые "кели", составлявшие все вместе сакральную часть всего этого храмового комплекса.

Центральное круглое здание Дашлы-3 окружено со всех сторон рядовой, бесспорно бытовой застройкой, состоящей из плохо и небрежно выстроенных жилых домов и еще больше хозяйственных построек, обитатели которых подобно жителям теменоса Гонура, видимо, обслуживали центральный храм. Вся раскопанная планировка до определенной степени напоминает авестийскую вару, в которой первочеловек Йима построил "дома для людей и загоны для скота". Раскапывая тридцать лет назад эту периферийную часть памятника

Дашлы 3, я невольно обратил внимание, что постройки здесь резко отличаются не только от ее сакральной части, но и от обычных рядовых памятников большой небрежностью в строительстве тонких стен и т.д.

Как заметил академик Б.А.Рыбаков, девять "башенок" могут обозначать девять месяцев беременности, что находит свое подтверждение в том же отрывке, касающемся вары, где говорится: "И туда, за ограду, в безопасную обитель отнеси семя всех самцов и самок, которые на этой земле величайшие, лучшие и прекраснейшие. ...И всех сделай по паре, пока люди пребывают в варе". Все эти наблюдения могут наводить на связь вары с идеей всеобщей плодovitости и всяческого плодородия.

Как бы то ни было, назначение обоих монументальных сооружений в пункте Дашлы 3 в качестве подлинных храмов в настоящее время не вызывает никаких сомнений, выделяя это место как культовый центр в системе всей Южной Бактрии и до определенной степени напоминающая дворцово-культовый ансамбль Гонур-депе.

АЛТАРИ ОГНЯ

Алтари огня храмов Маргианы, в полном согласии с Авестой, всегда невысокие и "располагаются на уровне глаз сидящего человека" (высотой не более 0,5 м). Все обнаруженные алтари делятся на два основных типа — прямоугольные и круглые. Первые из них вырыты в материке в виде прямоугольных камер, облицованы изнутри сырцовыми кирпичами и всегда вытянуты в одну цепочку от трех (теменос Гонура) до четырех (храм огня Северного Гонура) и даже пяти камер (Тоголок-21). Судя по всему, в таких прямоугольных алтарях горел неугасимый или, иначе говоря, "вечный" огонь, которому молились, ибо он являлся священной субстанцией. М.Бойс вполне справедливо замечала, что "огонь, обладая ярким и живым обликом, вызывал поклонение гораздо легче, чем идолы из дерева или камня" (Бойс 2003, с.103).

Кроме того, если обратиться к раскопанным храмам огня Маргианы, то можно установить, что алтари огня, хотя и располагаются внутри храмов, но всегда во внутренних дворах (теменос Гонура) или "световых колодцах" (Тоголок-21), т.е. под открытым небом. Общеизвестна планировочная схема: алтари огня стояли в храмах, но в местах, недоступных для непосвященных (в укромных помещениях, за высокими, глухими стенами), и непременно под открытым небом. Вообще же зороастрийцам не рекомендовалось прямо смотреть на огонь и следовало прикрывать глаза. Хотя М.Бойс была глубоко убеждена, что "...нигде в древней части Авесты нет какой-либо ссылки на огонь, помещенный в специальное место", это еще не свидетельствует, что у индоиранцев не существовали алтари огня.

Второй тип демонстрируют круглые, но разномасштабные алтари ("большой" и "малый") предназначенные для жертвоприношений (Тоголок-21). Большой алтарь, вырытый в материке (глубиной 3 м), имеет полусферическую внутреннюю поверхность с небольшим очагом в центре. Жирные кусочки мяса, положенные на край алтаря, растапливаясь от жара, естественным путем стекали по сферической плоскости алтаря вниз к центральному очагу, где со-

прикасались с тлеющими угольками. Огонь вспыхивать еще ярче и вместе с дымом поднимался вверх на небо. Удивительно, но практически точно такое же описание совершения жертвоприношений иранцев сохранили нам античные авторы (Онесикрит, Страбон), а также путешественники XVII в.

Жировое "пятно", найденное на полусферической поверхности алтаря Тоголок-21, было передано для анализа в лабораторию МГУ, где подтвердили, что оно имело жировую консистенцию. Жир был смешан с угольками и косточками мелкого рогатого скота. Здесь же у входа в алтарь найдена костяная трубочка (с лицевым изображением и преувеличенно большими глазами) для культового возлияния. Эти факты дают веские основания предполагать, что в "большом" алтаре происходили жертвоприношения и культовые возлияния многочисленным божествам языческой страны Маргуш. Если напомнить, что на Северном Гонуре имелось большое количество культовых двухкамерных печей (см. далее), предназначенных для приготовления жертвоприношений, а в самый поздний период в храме Тоголок-21 найдена только одна подобная печь, то можно допустить намечающуюся тенденцию к объединению культов и их совершению на одном алтаре.

Второй, или "малый" алтарь (с плоским, а не полусферическим дном) на Тоголок-21 оказался заполненным сплошной золой и сгоревшими ветками с "прикипевшими" к ним карбонизированными костями животных (овец и коз). Пережженные кости затем использовались в культовых целях, особенно в погребальных обрядах.

ПАВИ

Рядом с прямоугольными алтарями располагаются парами так называемые "платформы" или, иначе, пави, которые упоминаются в Ригведе. Они представляют собой прямоугольные площадки-выстилки, стены которых изначально не превышают высоты полуметра. Таким образом, эти сооружения никогда не имели кровли, оставаясь под открытым небом. По поверьям древних, на таких огороженных площадках восседали боги, в честь которых возжигался огонь в алтарях (теменос Гонура, Тоголок-21).

ХРАНИЛИЩА СВЯЩЕННОЙ ЗОЛЫ

Едва ли случайно рядом с самыми ранними алтарями храма огня Северного Гонура, точно так же как и с алтарной площадкой гонурского теменоса располагаются вырытые в материке (или, напротив, выстроенные на дневной поверхности) круглые или прямоугольные контейнеры, облицованные изнутри сырцовыми кирпичами. Все они были заполнены чистой белой золой. (Подробное описание подобных контейнеров см: Литвинский, Пичикян 2000, с.337-340). Условно названные "хранилищами священной золы", они содержали ритуально очищенные продукты горения, скорее всего, предварительно просеянные через особую ткань. Такую золу затем раздавали в храмы более низкой категории. Как известно, культ золы занимает большое место в практике зороастризма, так, что даже бытовало выражение "зола — одеяние огня". Особое

отношение к золе составляет важнейший элемент зороастрийского культа огня. Даже храмы огня воспринимаются как места скопления золы.

Покидая такие культовые сооружения, в последний момент маргушцы наглухо закладывали сверху эти хранилища сырцовыми кирпичами во избежание возможного осквернения их в будущем людьми или животными.

КУЛЬТОВЫЕ ДВУХКАМЕРНЫЕ ПЕЧИ

Двухкамерные (в единичных случаях трехкамерные) печи для приготовления жертвенной пищи представляют собой характерное отличие архитектуры дворцово-культового ансамбля северного Гонура (Илл. 12). Все они однотипны и разделены внутри поперечной перегородкой на две камеры, из которых меньшая по размерам всегда сильно обожжена внутри и представляла собой топку. Вторая, гораздо большая, слабо обожжена и являлась "духовкой". Между топкой и духовкой располагается невысокая (не доходящая до потолка) перегородка, которая разделяет их между собой. Такой конструктивный прием препятствовал проникновению языков пламени из топки в духовку и соответственно прямому соприкосновению огня с приготовляемым жертвоприношением (преимущественно с сырым мясом). Иначе говоря, печи такой конструкции позволяли приготовить жертвенное мясо без осквернения "чистой" стихии — огня "нечистым" окровавленным мясом.

Все такие печи, в сущности, представляют собой алтари для приготовления жертвенной пищи. Как правило, они покоятся на полах помещений и только в единичных зданиях общественного назначения вознесены на небольшие платформы.

ПОГРЕБЕНИЯ

Общезвестно, что погребальная обрядность — самая консервативная в человеческом сознании у всех народов. Зороастрийцы также не являются исключением в этом смысле. В основе их погребальных ритуалов "лежит стремление оградить священные стихии [и в первую очередь землю, воздух, воду и огонь] от осквернения" (Крюкова, Хисматуллин 1997; Мейтарчян 1999). Раскопки некрополя Гонура выявили около трех тысяч могил, относящихся к концу III — первой половине II тысячелетия до н.э. которые в самое ближайшее время будут опубликованы антропологом Н.А.Дубовой.

В процессе раскопок был сделан ряд важных наблюдений, которые могут быть объяснены с точки зрения зороастрийской погребальной обрядности.

Решительное большинство умерших Гонура погребены в шахтных могилах (около 85%) и только незначительная часть (около 11%) — на окраине некрополя в простых ямных могилах вместе с бедными погребальными приношениями. Характерной особенностью части ямных могил является сплошное (до яркого красного цвета) обожжение их изнутри еще до погребения покойника и тот документально установленный факт, что многие могилы вообще не содержат остеологического материала, или имеются лишь разрозненные кости человеческих скелетов (всего таких сооружений — 196, из них костные останки

найжены в 47). Меньше всего встречено таких обожженных могил с целыми скелетами, но в этом случае практически все они несут следы патологических процессов. Так, в трех таких могилах найдены три карлика (останки еще одного были обнаружены в царской гробнице 3230) и один ребенок, страдавший батрокефалией (подробнее см.: Дубова 2004). О том, что горбуны считались "нечистыми", свидетельствует Авеста, где неоднократно говорится: "Пусть там не будет ни горбчатых спереди, ни горбчатых сзади...".

Иначе говоря, в обожженных могилах хоронились преимущественно умершие, отличавшиеся при жизни явными физическими недостатками, которых могли хоронить только на окраине могильников. Чтобы не осквернить такими покойниками "чистую стихию" — землю — могилы предварительно обжигали изнутри огнем и лишь потом хоронили в них увечных (иначе говоря, "нечистых") умерших (более подробно см.: Сарияниди 2001). Налицо аналогичная отмеченной выше ситуации, когда при приготовлении жертвоприношений использовались двухкамерные культовые алтари. Сомнения, высказанные М.Бойс, что для очищения от скверны не могли использовать "чистую стихию" огонь, опровергаются всем комплексом данных, полученных в ходе раскопок ансамбля Северного Гонура.

В нескольких обожженных могилах Гонура были встречены кости собак и даже целый скелет собаки, что может указывать на двойственное отношение к этому животному.

Есть все основания предполагать существование у древних маргушцев сложных заупокойных ритуалов, доказательством чего служит "комплекс погребальных ритуалов" во дворце Северного Гонура. В этом комплексе рядом с фасадным входом, через который вносили покойника, располагается грубо пробитая "брешь" или "пролом", через который тело усопшего выносили по завершении части похоронных обрядов. В Вендидате прямо говорится: "И вот когда прилетят птицы, произрастут растения, растекутся лужи, ветер высушит землю, тогда пусть маздаяспийцы в этом доме брешь прорежут".

Главное место в заупокойных церемониях гонурцев занимали ритуальные обмывания покойника, которые проводились в специальной комнате комплекса. Использованная "оскверненная" вода выводилась при помощи специально устроенного дренажа, состоящего из трех составленных вместе гончарных труб, которая и была раскопана в "комплексе погребальных ритуалов" дворца Гонура.

В том же дворце, во дворе царской резиденции располагается небольшой микрокомплекс, одно из помещений которого предположительно может представлять собой раннюю дахму, которая, по справедливому мнению Б.А.Литвинского, представляла собой дахму-мавзолей. В "дахме" гонурского дворца обнаружены хаотически перемешанные кости не менее чем десяти человек. Последний умерший был положен на пол помещения в скорченной позе (но без головы!), а вход был заложен кирпичами "в сухую", чтобы его было легко разобрать при захоронении очередного умершего. Внутри помещения, на полу около стен сохранились четкие следы глинистых дождевых натеков, указывая предположительно на особую конструкцию перекрытия этого помещения, дающего возможность хищным птицам проникать внутрь.

Вообще же о практике выставления трупов на дахму с бесспорностью свидетельствует типичная перегородчатая печать, происходящая из Бактрии и переданная мне для публикации американским коллекционером Р.Гарнером. Печать сохранила явно сюжетную композицию с изображением двух покойников, лежащих в скорченном положении (поза маргианских покойников!), головы которых расклеивают хищные грифы, а к ногам подбирается собака. Вся композиция передает идею очищения скелетов от мягких тканей (Илл.13).

В храме Тоголок-21 встречен амулет с изображением покойника в скорченной позе с согнутыми ногами, которого сверху терзает рогатое чудовище, абсолютно точно повторяющее аналогичного рогатого монстра, изображенного на одном сиро-хеттском цилиндре. Не доказано, но в высшей степени вероятно, что эта композиция изображает известный зороастрийский эпизод, когда трупная муха Насу набрасывается на только что умершего человека (Илл.14). Из района города Кандагара (Афганистан) происходит амулет с гравированной композицией, изображающей лежащего на возвышении со скорченными ногами человека, которого сверху терзает орел. Возможно, не случайно, что такие птицы (предположительно грифы) всегда расклеивают головы людей, с чем можно сопоставить погребения с отчлененными головами в некоторых могилах Гонура.

Разумеется, приведенных данных еще не достаточно для утверждения существования погребальных дахма в Маргиане, но вышеприведенные композиции на печатях и амулетах делают такое предположение весьма вероятным. Бесспорные дахмы существовали в Бактрии, что документально засвидетельствовали греческие античные историки, так что такой обряд, вполне возможно, существовал и в Маргиане.

Наконец, камерные гробницы, обнаруженные в некрополе Гонура, представляют собой модели обычных домов (а точнее, спален), что, по мнению М.Гимбутас, а затем и Джонс-Блей было характерно исключительно для индоевропейских и, в частности, индоиранских погребальных сооружений. Как правило, они двухкамерные (одна камера служила собственно усыпальницей, во второй помещались погребальные приношения), а их интерьеры изображают внутреннюю обстановку обычных жилых домов. Всего в некрополе Гонура обнаружено 47 таких гробниц, которые, безусловно, ведут свое происхождение от царских гробниц Северного Гонура (особенно гробница № 3235). Эти гонурские погребальные сооружения восходят к гробницам бассейна Среднего Евфрата, которые так же изображают модели домов (Халава, Лидар, Хадиди и др). Все гробницы такого рода и в Сирии, и в Маргиане принадлежат местной элите и представляют собой фамильные склепы с коллективным, последовательным способом захоронений. Особенно показательны такие гробницы в Барсипе, относящиеся к середине — второй половине III тысячелетия до н.э. и, таким образом, предшествующие по времени гонурским мавзолеям. Показательны также погребения и в могильнике Талл Туттул в Сирии (относящиеся к 2600-2100 гг. до н.э.), где, подобно Гонуру, параллельно с такими практиковались и шахтные захоронения (Strommenger, Kohlmeyer 1998, p.51).

Камерные гробницы Гонура в виде моделей домов достаточно близко напоминают сирийские *hurodaeum* и, скорее всего, попали в Маргиану вместе с пришлыми

с далекого запада племенами. В районе озера Урмия такие камерные гробницы устраивались до ахеменидского времени, выделяя этот район вместе с Северной Сирией в ту историческую область, где раньше всего зародились и дольше всего сохранялись подобные погребальные традиции.

ВТОРИЧНЫЕ МОГИЛЫ

При раскопках практически всех камерных гробниц и (единичных шахтных) было установлено, что они не имеют скелетов, а содержат лишь "костяное крошево", состоящее из мельчайших костяных осколков и костяной "пыли". Создается впечатление, что такое положение создалось в результате изъятия со своего места уже разложившихся останков и переноса их в другое место. Такие "вторичные" могилы еще раньше обнаружил Дж.Туччи в Северном Пакистане (долина реки Сват). В частности, он пишет: "...они пустые, исключая несколько очень мелких осколков, что по-видимому указывает, что покойник лежал в могиле определенное время, после чего изымался оттуда" (Tucci 1977, p.26). Кроме того, "вторичные" захоронения отмечены в Бактрии и Белуджистане, то есть в зоне существования БМАК.

Авеста рассматривает выкапывание трупов как "достойное занятие". Так, на вопрос "Кто первым эту землю наибольшим убогствением убогстворяет? Ахурамазда отвечает: "Когда больше выкапывает останков ... мертвых людей" (Видевдат, 3, 12). Я далек от мысли прямого сопоставления вышеприведенных археологических фактов и наблюдений с данными Видевдата, но и вряд ли стоит игнорировать столь редкие погребальные обряды "вторичных" захоронений и не сопоставить их с погребальными обрядами маргушцев.

ХРАМ ВОДЫ

Как известно, зороастрийцев называют огнепоклонниками и в такой же степени водопоклонниками. Только огню и воде они совершают ежедневные жертвоприношения и моления.

Храм воды расположен в южной части дворцово-культурного ансамбля Северного Гонура, где имеется огромный, предположительно естественный водоем (длиною 180 м, шириною 85 м при глубине 1,5 м), который наполнялся водой из реки Мургаб при помощи дренажной системы, состоящей из составленных вместе гончарных труб. Вдоль южной береговой линии в цепочку вытянуты многочисленные, соединенные общими проходами помещения, часть которых имеет культовые двухкамерные печи и, в том числе, вознесенные на невысокие платформы. Думается, выявленный строительный комплекс представляет собой подлинный храм воды, располагавшийся у огромного водоема.

На прямую функциональную связь воды бассейна и берегового строительного комплекса указывает тот факт, что по мере постепенного обмеления водоема, ниже по берегу (и, соответственно, ближе к воде) были вырыты широкие террасы, на которых возводились новые помещения с культовыми печами внутри. Иначе говоря, вслед за "убегающей" водой строились культовые поме-

щения, что позволяло жрецам находиться в постоянной близости от воды бассейна и без затруднения совершать культовые церемонии.

Рядом с "большим" бассейном располагается "малый" водоем, внутри которого устроен кирпичный пустотелый внутри "отстойник", заполненный большим количеством камыша, куда вода поступала через специальный желоб из "большого" водоема. Мутная вода из Мургаба через желоб заполняла "отстойник" водой, там она отстаивалась, а затем вытекала через специальное отверстие уже очищенной и прозрачной. В таком виде она могла использоваться для культовых церемоний, в том числе для приготовления культовой пищи. Во всяком случае, вода должна быть очищена перед тем, как ее выпьет Бог дождей (Рак 1998, с. 108). По крайней мере, в позднезороастрийских храмах непременно устраивались водоемы, предназначенные для жертвоприношений воде.

Существование достаточно сложных водоподъемных сооружений можно предполагать по остаткам керамических труб и обожженных кирпичей, сохранившихся к моменту раскопок между перемышкой обеих водоемов, что позволяло перекачивать воду из большого в малый бассейн.

Воды в Авесте прямо называются "женами Ахурамазды", а богине рек и вод Ардвисуре посвящен едва ли не самый древнейший из яштов. Одним словом, имеются все основания предполагать, как глубоко у индоиранцев было распространено почитание воды и водных потоков (более подробно см.: Литвинский, Пичикян 2000, с. 312-324). Соединение в одном комплексе естественного озера и храма известно в Тахт-и Сулеймане, что достаточно близко напоминает ситуацию, обнаруженную в ансамбле Северного Гонура. В обоих случаях храм и озеро обведены общей стеной, составляя единый архитектурный комплекс. Близкая картина прослеживается и в Кухи-Хваджа, где храм располагается на берегу озера, а так же в Джаркутане (Северная Бактрия).

ПЛОЩАДИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАПЕЗ

Внутри дворцово-культового ансамбля северного Гонура раскопаны три обширные последовательно существовавшие площади под открытым небом (самая крупная свыше 500 кв.м). Все они ровные и без каких-либо сооружений наподобие алтарей или жертвенных мест. Сверху сплошь перекрыты черным, пережженным культурным слоем вперемежку с большим количеством костей животных и битой керамики толщиной свыше 0,5 м. Рядом с каждой такой площадью имеется по одному водоему, куда дождевая вода поступала с прилегающей равнины по специально вырытым для этого канавам. Эти бассейны, скорее всего, предназначались для культовых омовений. Здесь же рядом с площадями располагается анфилада небольших помещений с большим числом культовых двухкамерных печей внутри, о которых речь шла выше.

Все вышеприведенные археологические факты указывают, что на этих площадях проходили так называемые "общественные трапезы", которые у иранских зороастрийцев в Авесте называются Иза, а у индийских арийцев в Ригведе — Ида. Специальным образом приготовленное в культовых печах мясо подавалось всем участникам, сидевшим на площади, и подалось ими "с особой концентрацией ума и духа" (М. Бойс). По мнению большинства лингвистов,

Ида-Иза представляла собой божественную силу, присутствующую в пище, к которой приобщались все, кто принимал участие в таких общественных трапезах.

ДУАЛИЗМ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОЙ ГЛИПТИКИ И СФРАГИТИКИ

Глиптика и сфрагистика Бактрии и Маргианы представляют собой особое явление в системе всего Древнего Востока. Хотя большинство таких изделий украшены простыми геометрическими орнаментами, имеются крупные амулеты со сложными, явно сюжетными композициями, представляющими собой своего рода "цитаты" или "тезисы" тех мифов, что были распространены в маргушском обществе в III-II тысячелетиях до н.э. и были понятны каждому жителю.

Генеральной темой таких повествовательных композиций бактрийско-марганской глиптики является, по выражению П.Амье, "фаллический символизм", что находит свое выражение в композициях, на которых изображены реальные змеи и фантастические змеиные драконы, всегда в противоборствующей позиции. Как правило, они преследуют парнокопытных (реже птиц) и обычно тянутся к их задним ногам с целью похитить у них "живительное семя", олицетворяющее собой идею всеобщего плодородия, продолжения жизни на земле.

Между ними идет постоянная бескомпромиссная борьба за право обладания "живительным семенем". Есть веские основания считать, что змеи олицетворяют собой положительные по отношению к человеку силы, в то время змеиные драконы символизируют собой силы зла. Так, на каменных амулетах (реже на медно-бронзовых печатях) изображены пожирающие друг друга змеиные драконы. И это неспроста: ведь существа, поедающие себе подобных, в человечеством восприятии вызывают невольное отвращение. Как правило, змеиные драконы изображены с широко раскрытыми пастьми, вытаращенными глазами, нередко с крыльями и рогом на носу. Как можно судить по тем же композициям, змеи олицетворяют собой положительные по отношению к людям силы (Sarianidi 1998a), так что такие композиции со сценами борьбы змей и змеиных драконов, в конечном счете, передают борьбу добрых и злых сил.

Эта генеральная тема бактрийско-маргианской глиптики прослеживается на многих сотнях, если не тысячах печатях и амулетах. Так иллюстрируется универсальная идея борьбы Добра и Зла. На некоторых амулетах победителем из этой борьбы выходят змеи, в другом — змеиные драконы, из чего можно заключить, что победа не была predetermined заранее, а зависела от многих факторов. Думается, что композиции со сценами борьбы змей и фантастических змеиных драконов выражают собой характернейшую черту последующего зороастризма: резко выраженный дуализм этого учения.

Наряду с такими персонажами известны изображения фантастических крылатых животных, всегда показанных убегающими в паническом ужасе (с широко раскрытыми пастьми) от змеиных драконов, расположенных под их животами и тянущихся к их задним ногам.

Среди поистине безбрежного моря сюжетов бактрийско-маргианской глиптики и сфрагистики обращает на себя внимание небольшая, но исключительно важная группа печатей и амулетов с однотипными изображениями, передающими образ героического персонажа древнеиранского эпоса (Илл. 15). В Авесте он характеризуется так: "у него торчащие, изогнутые (курсив мой — В.С.) волосы, свирепый, звериный вид". Почти не остается сомнений, что это словесное описание Керсаспы на всех вышерассмотренных амулетах. По мнению М.Бойс, легенды о нем зародились в восточноиранском мире, предположительно в Сеистане (Boys 1989, p. 102).

Независимо откуда происходят такие изображения (из Бактрии или Маргианы), они всегда передают мужской образ героя с жесткими, слегка изогнутыми волосами на голове, всегда разделенными на две пряди, с бешено вытаращенными, круглыми от злости глазами, с пышными усами и длинными бакенбардами, расчесанными на две стороны. Нередко руки заканчиваются не ладонями, а головами змей, а в одном случае такой персонаж имеет пояс в виде змеи. В настоящее время известно свыше десяти таких амулетов со сходными изображениями, происходящие как из Бактрии, так и Маргианы (Sarianidi 1998a, №№ 51-53, 905-907, 912, 927, 1235), которые передают общий образ Керсаспы, этого "величайшего авестийского героя" (М.Бойс), который совершил много героических подвигов.

В Авесте Керсаспа — доблестный воитель, который всегда рвется в бой с исчадиями зла. "то он убил рогатого змея Сэрвара, который пожирал людей. В этом отношении важно отметить, что изображения рогатых змеиных драконов с широко разинутыми пастьями, были популярны как в Бактрии, так и Маргиане, причем они часто показаны с повернутой назад головой и злобно оскаленной пастью, как бы в "оборонительной", отбивающиеся позе от наступающей их смертельной опасности. М.Потье первая предложила видеть в этом фантастическом персонаже рогатого змеиноного дракона Сэрвара (Pottier, 1984, Fig. 42, N. 312), который удерживал подземные воды, и лишь после его гибели вода устремилась к людям.

Вышеприведенные археологические факты с бесспорностью свидетельствуют, что в глиптике и сфрагистике Бактрии и Маргианы были распространены одинаковые (если не сказать идентичные) сюжетные композиции, темы и образы которых отражают общие мифологические представления, которые были широко популярны в бактрийско-маргианской среде и которые позднее в реформированном виде вошли в Авесту.

БУЛАВА С БЫЧЬЕЙ ГОЛОВОЙ

Среди находок, сделанных в храмах Маргианы, исключительный интерес представляет мраморная головка быка, выточенная с величайшим искусством (Илл. 16). В высшей степени показательным, что тыльная сторона этой головки не грубо обломана, а тщательно заполирована и имеет по краю три отверстия. Эта головка представляет собой навершие жезла, которое крепилось на пал-

ку-основу. Такие жезлы используются и современными жрецами во время посвящения молодежи в зороастрийскую религию; их изображения публикуются едва ли не в каждой работе, посвященной зороастризму (Бойс 2003, Рис.6).

Я отчетливо представляю, какую критику вызовут у многих исследователей основные положения этого сообщения. Но хочу задать моим потенциальным оппонентам только один вопрос: где еще в системе всего Ближнего и Среднего Востока имеется столько археологических доказательств в пользу высказанной здесь новой теории, кроме как в Туркменистане?

Я надеюсь, что полученный нами археологический материал способен убедить тех, кто еще сомневается в подлинном значении для науки археологических открытий последних лет в Гонур-депе. Новые факты и неопровержимые доказательства, которые предоставляют продолжающиеся раскопки в Маргиане, заставят, я уверен, пересмотреть иные устоявшиеся взгляды на далекое прошлое человечества. Вот почему число людей и, прежде всего, иностранных ученых, которых по достоинству оценят место древнего Туркменистана в системе первых цивилизаций нашей планеты и проникнутся духом священной Рухнама, станет значительно больше.

Следующими шагами в плане широкой пропаганды и популяризации во всем мире великого наследия туркмен, едва ли не древнейшей частью которого являются находки из Маргианы, будет, я надеюсь, их выставка в парижском Лувре, греческом музее Бинаки, московском Государственном музее Востока и других крупнейших музеях мира. Миллионы людей увидят эти сокровища и узнают о том, какой ценный вклад вносит независимый нейтральный Туркменистан в мировую культуру.

ЛИТЕРАТУРА

- Бойс 2003 — Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 2003.
Дандамаев, Луконин 1980 — Дандамаев М., Луконин В. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980.
Дубова 2004 — Дубова Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2003. М., 2004.
Крюкова, Хисматуллин 1997 — Крюкова В.Ю., Хисматуллин А.А. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. М., 1997.
Литвинский. Пичиян 2000 — Литвинский Б.Л., Пичиян И.Р. Эллинистический храм Окса. Т.1. М., 2000.
Мейтерчиан 1999 — Мейтерчиан М. Погребальный обряд зороастрийцев. М., 1999.
Сарианиди 1991 — Сарианиди В.И. И здесь говорил Заратустра. М., 1991.
Boyce 1975 — Boyce M. On the Zoroastrian Temple Cult of Fair // JAOS. Vol. 95
Boyce 1989 — Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. 1-11. Leiden, 1989.
Mallory 1991 — Mallory J. In Search of the Indo-Europeans. London, 1991.
Renfrew 1973 — Renfrew C. Before Civilization. London, 1973.
Sarianidi 1998 — Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
Sarianidi 1998a — Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998.
Sarianidi 2001 — Sarianidi V. Necropolis of Gonur and Iranian Paganism. M., 2001.
Strommenger, Kohlmeier 1998 — Strommenger E., Kohlmeier K. Teil B/A Tutuf. Die Altorientalischen Bestattungen. Saarbrücken, 1998.
Tucci 1977 — Tucci G. On Swat. The Dards and Connected Problems // East and West. Vol. 27. Roma, 1997.